

ОТРАЖЕНИЯ ЯЗЫКА ОРИГИНАЛА В ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАХ ПЕРЕВОДА

(По материалам вестей-курантов)

Вопрос о том, в какой степени черты оригинала, с которого выполнялся перевод при составлении текстов вестей-курантов, находили свое проявление в самом переводе, имеет самое непосредственное отношение к лингво-источниковедческому аспекту исследования текста.

Обследование с этой точки зрения орфографических способов передачи в переводных текстах иноязычных названий (как собственных, так и нарицательных) может дать ответ на вопрос: прямо или посредством образам, с охватом всего массива иноязычных наименований или его части черты языка оригинала (по указаниям заголовка текста) оказывались воспроизведенными в переводе.

Наше внимание привлекли два перевода текстов вестей-курантов, относящиеся ко 2-й половине XVII столетия и ранее не публиковавшиеся. Эти материалы хранятся в ЦГАДА в Москве в фонде 155 "Вести-Куранты" и имеют заглавия: "Перевод с немецких курантов что подал в Посолскомъ приказе галанецъ Вахромѣи Меллер в ннешнем во РОГ м годъ, ѳевраля въ КИ день" (ф. 155, оп. 1, 1664 г., № 3, л. 8—10), а также: "Перевод с латинског писма, каковъ великомъ гдрю црю і великомъ кнзю Алеѣью Михаиловичю всеа Великіа и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержць подал Пансіи митрополит ганскои. декабря въ КВ де ннешняг РОГ г годъ" (ф. 155, оп. 1, 1666 г., № 11, л. 10—14).

Последний документ, несмотря на традиционный заголовок грамоты, адресованной царю, представляет собой по существу тот же обычный перевод вестей-курантов, построенный по образцу любого перевода с западноевропейского "вестового печатного листа", и включает отдельные фрагменты датированных сообщений из разных городов о западноевропейских событиях. Последний перевод примечателен тем, что текст его акцентуан. Для текстов вестей-курантов XVII в. это сравнительно редкое явление.

Сами заголовки, как видим, достаточно определённых сведений о языке оригиналов не содержат и вот по какой причине. Прил. *немецкий* обозначало: 'относящийся к тем или иным народам, лицам германского происхождения (шведам, датчанам и др.), принадлежащий лицам из германоязычных стран' (СлРЯ XI—XVII вв.¹ XI 169)², в связи с чем точное определение национальности по данному прилагательному исключалось. Именно поэтому необходимо было уточ-

¹Список источников и словарей с принятыми сокращениями прилагается.

²См.: Фасмер III 62. Подробнее об истории слов этого корня: *Jelitte H. Die Bedeutungsentwicklung von немец, германец und verwandter Bezeichnungen im Russischen // Zeitschrift für den Russisch-Unterricht, [Hamburg], 1970/1971. Bd. VI, Hf. 1. С. 11—21; Hf. 2, [Hamburg], 1971. С. 14—20; Ковалев Г.Ф. Общеславянский этноним немец. // Материалы по русско-славянскому языкознанию. [5]. Воронеж, 1977. С. 41—45.*

няющее прил. *цесарский* (перевод) (см. В—К III 52). Немецкой грамоткой был назван перевод со шведского письма (В—К III 119). Подобным же образом и прил. *латинский* обладало семантикой 'латинский' и 'римского или вообще западноевропейского происхождения' (см. СЛРЯ XI—XVII вв. VIII 179). Поэтому выяснение того, на каком языке был написан оригинал этих двух документов-переводов, нуждается в доказательствах. Для этого обратимся к способам передачи ряда иноязычных лексем (имен собственных и нарицательных).

Начнем с показаний перевода с "немецкого", выясняя непосредственный язык-источник, из которого иноязычные названия могли проникнуть в русский текст.

Отметим сразу же, что названия, воспринятые из немецкого языка, оказываются в явном меньшинстве. Это: в Кроятцкои земль 8³ — из нем. Kroatien — Хорватия с появлением интервокального йота. Воздействие польск. Chorwacja — Хорватия, укр. *Хорватія*, бел. *Харватыя* исключается. *Долматия* (в Долматі, в Долматію — 9) следует возвести к нем. Dalmatien — Далмация, исключив польск. Dalmacja — то же, укр. *Далмація*, по характеру исхода основы в ее письменном оформлении. Старая русская традиция в наименовании Моравии — Морав (Повесть временных лет) (Фасмер II 652) и польск. Morawy — Моравия, а вместе с ними и укр. Моравіа, Морава оказались отгесненными немецким: в Меренскои (земле) — 9, от нем. Mähren Сохранение чешской церковнославянской традиции (Фасмер IV 353) в передаче названия страны (в Чешскои (земле) — 9) можно связать с основой нем. tschechisch 'чешский' с прозрачным чередованием *x//ш*. Во всяком случае польск. *czeski*, с результатами регрессивной ассимиляции исхода основы суффиксу, явно может быть исключено. К перечисленным выше случаям можно присоединить лишь два немецких топонима: из Стермаика — 10, нем. Steiermark — Штирия, ср. в негативном плане, т.е. с возможностью только отклонения как непосредственного источника, польск. *Styrja* 'то же'; под *Неугауsom* — 9, *Neuhaus* и производное от последнего прил. *неугьский* (10) с сохранением старого недифтонгизованного *û* (в русской передаче *o*).

Вместе с тем многие имена обнаруживают или староукраинское (старобелорусское) или польское посредство. Связи украинского и русского языков и литератур во второй половине XVII в. расширяются и укрепляются при одновременном ослаблении со второй половины столетия украинско-польских связей⁴.

³Далее в ссылках на рукопись указываем только лист.

⁴См.: *Белодед И.К., Ижакевич Г.П., Франко З.Т.* Взаимосвязи между украинским и другими славянскими языками в XVI — начале XVIII в. // Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962. С. 80—90; см. также: *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 3-е изд. М., 1982. С. 25—28 (о сильном влиянии юго-западного литературного языка на русский во II-й половине XVII в.); *Еремин И.П.* Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII веков // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. *Lesiów M.* Wpływ polski na wschodniostowiańskie języki literackie XVII w. // Języki i literatury wschodniostowiańskie. Materiały Ogólnopolskiej Konferencji Naukowej.

Венгерскими (8), Венгерской стороны (10), польск. *węgieński* 'то же', ср. ст.-укр. оугорьскыи (ССУМ II 464), но также и венгерский (Тимченко 214), совр. угорський, венгерський, при нем. *ungarisch* 'то же'.

Лантъмаршалокъ (8), ср. ст.-укр. маршалокъ (ССУМ I 578), совр. маршалок <польск. *marzałek*, но не нов.-в.-нем. *Marschall*, известное немецкому языку с XVI в. (см. Фасмер II 576).

Цесарскои (8), через ст.-укр. цѣсарьскый (ССУМ II 528), из польск. *cesarski*, но не из нем. *Kaiser* (см. Фасмер IV 290—291). Г. Лиминг⁵ справедливо упрекает Фасмера в том, что тот ничего не говорит о возможности вторичного заимствования слова *цесарь* из польского. Было бы точнее упомянуть посредство укр. *цесар*.

Название *Дунай* (9) явно совпадает с укр. *Дунай*, польск. *Dunaj*, но расходится с нем. *Donaui*.

Название плоскодонного грузового речного судна *шкута* (к *шкуть* — 9) следует возвести к польск. *szkut*. Голландский источник — *schuit* (см. Фасмер IV 451) есть основания отклонить, поскольку начало слова в голландском звучало как *сх-*. Диалектное варьирование в произношении ср.-нем. *schüte* дает основания колебаться в правильности вывода Г. Томаса⁶ о том, что рус. *шкута* по фонетическим и семантическим данным является поздним заимствованием из средне-немецкого. Что касается оформления слова по ж. роду (а средне-нижнемецкая флексия *-е*, на первый взгляд, более соответствует рус. *-а*), то можно предполагать аналогию со словом *лодка*, тем более что с помощью *шкuty* передвигались по рекам.

Если учесть явленное упрощение начального дифтонга и регулярность соотношений производящей основы существительного на *-ия* и прилагательных на *-ицкыи* (*-ицкыи*) в древнерусском (XI—XIV вв.) и старорусском (XV—XVII вв.), то название Устрийская (во *Устрицкои* земле) — 9) без труда возводится к исходному польск. *Austria* — Австрия, но не к производному прил. *austriacki* 'австрийский' и тем более не к нем. *Österreich* — Австрия, *österreichisch* 'австрийский', а к укр. австрийский. Соотношение производящей и производной основ типа *Аустрия* — *аустрийский* как системное явление можно проиллюстрировать в древнерусском (XI—XIV вв.) и старорусском (XV—XVII вв.) еще и иными примерами: *сѣдицкыи*, *сѣдицкыи* (прил. от *судия*) (см. Срезн. III 597), *митрополицкыи* (прил. от *митрополиа*) — Срезн. III 163, *сѣмицкыи* (прил. от сущ. *сѣмина* 'семья') — Срезн. III 893, *геометрицкыи* или *геометрицкыи*: *геометрицкую* — Спафарий, О сивиллах, 49 об. 1672 г. (см. СлРЯ XI—XVII вв. IV 18), *братицкыи* или *братицкыи* (прил. от *братия*) — Срезн. I 169, *братицкыи*

Lódź; 14—15 czerwca 1976r. Lódź, 1976. С. 43—50 (изучение польского влияния на каждый из восточнославянских языков должно учитывать данные всех восточнославянских языков, т.е. быть комплексным, а не раздельным. как до сих пор часто бывало); Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983. С. 135—136 (о языке литературы московского барокко).

⁵Leeming H. Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696. Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1976. С. 46.

⁶Thomas G. Middle Low German Loanwords in Russian. München, 1978. С. 211. (Slavistische Beiträge, Bd. 123.)

каго — СлРЯ XI—XVII вв. I 321; витинский или витинской (прил. от витина) — витинское — Козм. I 459. XVII в. — см. СлРЯ XI—XVII вв. II 193; епархиинский или епархиинской (прил. от сущ. епархиин) — Срезн. I 828, епархиинскими — Скрижаль V 131 см. СлРЯ XI—XVII вв. V 52, сокачиинский (прил. от сущ. сокачина 'повар') — Срезн. III 458.

От польского (Śląsk), а не от нем. Schlesien берет свое происхождение прил. *шлонской* (10), проникшее в русский, видимо, через бел. *шлёнскіі* (см. Носович 712). В связи с этим нельзя не отметить, что в опубликованных за первую половину XVII столетия вестях-курантах (1600—1650 гг., с некоторыми перерывами в годах) ни разу не встречен польско-белорусский вариант названия Силезии, но постоянно употребляется немецкое наименование с различными фонетическими и морфологическими вариациями как самого названия, так и производного от него прилагательного. По-видимому, прав был Фасмер в том случае, когда современное название Силезии возводил к франц. *Silésie* (см. Фасмер III 621), тем самым указывая на необходимость смириться с тем, что заимствование топонима в огласовке Силезия произошло, видимо, не ранее XVIII в., в пору интенсивных контактов русского языка с французским.

Обычно принято отводить польскому языку роль активного посредника в восприятии иноязычных слов в русском языке XVII столетия⁷. Однако при этом мало учитываются посредствующие функции староукраинского и старобелорусского языков, языков славянских народов, самым ближайшим образом родственных русскому и находившихся с ним в XVII в. в самых тесных исторических и культурных контактах⁸. Украинско-белорусско-русские языковые контакты в значительной степени нейтрализовывали влияние языка оригинала. Они позволяют к тому же прояснить и некоторые моменты фонетической и морфологической адаптации слов из польского языка. Можно сказать, что староукраинский, старобелорусский и польский языки в своих способах передачи обобщали многое иноязычное, что проникало в памятники русского языка в XVII в. Да и для создателей некоторых текстов XVII в. понятие "немецкое" получало обобщающее расширительное значение 'иноземное, чужое'. Какой же язык-источник конкретно имелся в виду, требует каждый раз конкретных словарных сравнений. Приведем лишь один пример, взятый из СлРЯ XI—XVII вв. VII 73: "въ одномъ ящикѣ руда, называютъ ее по нѣмецки оловко, а по руски карандашъ самой прямой". *Оловко* — новое заимствование из польского, в суффиксе которого отразилось посредство бел. *оловок*, *оловочек* 'карандаш' (Носович, 363), а в признаке ср. рода — укр. *оливо* 'то же' (Гринченко, III 52), осознавалось как слово вполне иностранное, "немецкое", чужеземное, как обобщенное иноземное обозначение (ср. польск. *ołówek* 'карандаш') минерала

⁷См.: Виноградов В.В. Указ. соч. С. 39—40; История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX в. М., 1982.

⁸См.: Белодед И.К., Ижакевич Г.П., Франко З.Т. Указ. соч.

темно-серого цвета, графита, из которого изготавливали сердцевину карандаша — тонкую графитовую палочку.

У составителей некоторых глоссариев XVII в. не было четкого представления об этимологии не-своего слова. Поэтому квалификация по происхождению типа "немецкое" была в этом случае более оправдана, чем неверная попытка уточнения этимологии. Так, составитель Глоссария русского разговорного языка конца XVII в. слово *шляха* 'дорога' определяет как *tatağica vox* 'татарское слово, тюркизм'⁹, хотя для современных этимологов совершенно ясно, что *шлях* — полонизм (< *szlach* < нов.-в.-нем. *Schlag* 'удар' — Фасмер IV 457), проникший к нам через укр. и бел. *шлях* (Носович 714, Гринченко IV 504).

И, наконец, для передачи иноязычных слов в распоряжении переводчика XVII в. был набор давних заимствований, к XVII столетию уже достаточно адаптированных, имевших прочную древнерусскую традицию употребления. К этим средствам он также не мог не обращаться. Прилагательное *турскои* (8), известное старорусскому языку с XV в. (в Хождении за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг., в Сказании о Дракуле воеводе XV в. — см. Фасмер III 125), оказалось предпочтительным польскому *turcki* и ст.-укр. *тоурецький* (ССУМ II 450) и сблизать его с нем. *türkisch* 'турецкий' можно только на основании чисто внешнего сходства исходных основ: др.-тюрк. *türk* 'сила', 'власть', 'тюрюк' и нем. *türk*-. Это сходство могло только лишний раз подтолкнуть переводчика к выбору традиционной старорусской формы, которая обнаруживает явное преобладание и в переводных с немецкого сообщениях, составляющих значительный процент среди текстов вестей-курантов. По данным опубликованных В—К I—IV случаи выбора прил. *турский* явно преобладают над передачей *турецкий*. В В—К I соотношение таково: *турский* — употреблено на 66-ти листах рукописей (число употреблений возможно больше, если учесть, что на одном листе слово встречено более 1 раз), *турецкий* всего лишь на 4-х, в В—К II—IV *турецкий* вообще отсутствует, в то время как *турский* употребляется с достаточной частотой: на 23-х листах в В—К II, 82-х — в В—К III, 67-ми — в В—К IV.

Вывод из наблюдений может быть один: иноязычные слова первого текста при всех отклонениях по отношению к другим возможным языкам-источникам содержат явные признаки того, что перевод был сделан с немецкого. Национальная принадлежность передавшего в Посольский приказ западноевропейскую газету лица (голландец Вахромей Меллер) вовсе не свидетельствует в пользу голландского оригинала данного перевода, так как сравнение с голландскими соответствиями иллюстрирует их несовпадение с русскими передачами: Австрия — *Oostenrijk*, венгерский — *hongaars* или *magyaars*, Далматия — *Dalmatië* [*Dalmatie*], Дунай — *Donau*, цесарский — ср. *keizer* 'императорский титул', Кроятцкая (земля) — *Kroatië* [*Kroatsië*] = Хорватия, маршалок — *maarschalk* [*ma:rshalk*] 'маршал', Меренская (зем-

⁹См.: *Биргегорд У.* Глоссарий русского разговорного языка конца 17-го века // *Russian Linguistics*, Dordrecht-Boston, 1975. v. 2, № 3—4. С. 207.

ля) — Moravië = Моравия, шлонский — ср. Silezië = Силезия, Стермайт — Stiermarken [st:rmarken] = Штирия, Чешская (земля) — Tsjechoslowakije = Чехословакия. Лишь два названия из перечисленных выше могут обретать двойную ориентацию: на немецкий и голландский. Это — *Далматия* (нем. Dalmatien или голл. Dalmatië, если допустить письменную передачу) и *Кроацкая земля* (< нем. Croatien или голл. Kroatië при предположительной фонетической передаче). Но нельзя не заметить, что язык оригинала не оказывал решающего воздействия на выбор способа передачи иноязычных собственных и нарицательных имен. Его проявление нейтрализовывалось в значительной степени посредствующими звеньями языковых контактов (прежде всего связями со староукраинским, старобелорусским, польским, а также другими языками), что отражалось в языковой специализации переводчиков, работавших в Посольском приказе, а также в древнерусской и старорусской традиции, на протяжении предшествующего периода выработавшей определенные способы передачи иноязычных наименований и закрепившей их в достаточно длительной и часто воспроизводимой в специализированных текстах письменной традиции.

Так, по нашим подсчетам, в первом тексте из 34 употреблений слов и наименований иноязычного происхождения 10 (около 30%) приходится на германизмы, столько же составляют полонизмы. Кроме того, отражаются также заимствования из других языков: тюркизмы (4), грецизмы (2), из венгерского (2), из итальянского и чешского (по одному слову). Кроме того, в семантике прил. *вредно* 'полезно' (то мѣсто близко и к добыванью конских кормовъ і всяких животностии вредно будет) можно видеть проявление контактов с сербским, ср. серб. *вредно* 'полезно'. Такого рода обобщающая справка достаточно иллюстрирует всё многообразие иноязычных контактов, обнаруживаемое в конкретном тексте.

Считается, что к концу XVII в. знание польского языка является принадлежностью образованного дворянина, что польский язык осознается в XVII в. как европеизированная разновидность славянской речи, а полонизмы получают широкое распространение не только в литературном, но и в бытовом словаре высшего общества¹¹. Мы вместе с тем не можем не учитывать украинско-белорусско-русские контакты тем более, что предметом нашего внимания являются произведения деловой письменности, в которых язык "высшего света" если и отражался, то, по-видимому, в самой незначительной степени. Нам представляется, что по отношению к деловой письменности XVII в. следовало бы говорить не столько о польском как европеизированной разновидности славянской речи, сколько о взаимодействии с юго-западнорусской "мовой" особенно в ее деловых разновидностях, через которую отражалось украинско-белорусское посредство.

Обратимся теперь к показаниям "перевода с латинского письма" (см. выше, ф. 155, 1666 г., № 11, л. 10—14). Сразу же, предваряя вы-

¹¹ См.: *Виноградов В.В.* Указ. соч. С. 40

воды, заметим, что украинизмы, белорусизмы и полонизмы также паходят в нем свое проявление как в плане акцентно-орфографическом, так и семантическом. Из числа их отметим: из Антверпии (11), из Лондина (14), римскихъ (11), вѣнгерскимъ (10). Прокомментируем их.

Вариант *Антверпия*, восходящий к польск. Antwerpia¹², совпадает с лат. Antwerpia.

Решая вопрос о выборе в качестве источника польск. Londyn — Лондон или лат. Londinium — 'то же', отдадим предпочтение при всех возможных колебаниях все же польск. Londyn, отклонив укр. Лондон, бел. Лондан, учитывая, во-первых, ударение на *o*, во-вторых, вполне обычную для русского языка передачу смягченного *d'* в сочетании *di* в отличие от только твердого польск. *d*, передачу, к тому же поддержанную аналогией с русским адъективным суф. *-ин*. Сведение к латинскому источнику предполагает более сложные промежуточные адаптации, в частности, полное усечение не только флексии *-um*, но и трудно объяснимое отпадение конечного *-i* основы, как правило, в заимствованиях испытывавшего йотовое расширение в виде *-ий*, ср. *еродий* — Скрижаль IV 90, 1656 г. — см. СлРЯ XI—XVII вв. V 58 (< греч. ἑρωδῖός, подкоморя (род.) (ЦГАДА, ф. 155, 1664 г., № 2, л. 55) (< польск. podkomorza 'ист. подкоморий').

Словоформа *римскихъ* (11) при сопоставлении со ст.-укр. римьский (ССУМ II 311) < польск. rzymski 'римский' и лат. romanus 'то же' не нуждается в особом комментарии.

Польск. сущ. węgier 'венгр' является непосредственно производящим по отношению к прил. *вѣнгерскимъ* (10), которое сохраняет ударение исходного польского этнонима, лат. hungaricus 'венгерский' безусловно должно быть отклонено.

Несомненно, по ударению к группе полонизмов следует отнести: во Америке (14) с контаминацией укр. признака — мягкого *р'* — польск. Амегукa, ср. с иным ударением бел. Амѣрыка, укр. Амѣрика, а также: из Парижа (10) — польск. Paryż, возможно, через бел. Пары́ж, и укр. Париж при нем. Paris и лат. Parisii.

Седмиградскихъ (12) — от польск. Sedmiogród при этом нем. Siebenbürgen и лат. Septem castrensis, Transilvania, укр. Трансильванія; безусловно, должны быть отведены.

Не менее примечательны семантические украинизмы: *згодитца* (10) и *сложитъ* в сочет. *сеимъ сложитъ* (10). Выяснению происхождения глагола *згодиться* помогает проекция на семантику ст.-укр. згодити са (ССУМ I 392) < польск. zgodzić się 'помириться', 'согласиться' (в контексте: "згодитца ли или противостоят"). Выражение *сеимъ сложитъ* — семантическая калька с польского, на что указывают ст.-польск. złożyć, słożyć sejm 'созвать сейм' (Речек 652). Ср. ст.-укр. *сложити слоб* 'поклѣсться' (ССУМ II 353), где семантика глагола преобразуется в сочетании также из сферы внутри- и межгосударствен-

¹² В такой форме название представлено в первой польской печатной газете 1661 г. (см.: Merkurjusz Polski. Орган. А. Przyboś. Kraków, 1960. С. 457 — далее сокращенно: Мерк. польск.).

ных отношений. Эта калька имела параллели в значениях 'намечать', 'предписывать', 'образовывать', 'задумывать' латинскому *componere*. Последний, по данным Словаря средневековой латыни¹³, имел значение 'назначить', 'определить срок'. Значение 'предписывать' в латинском глаголе заставляет обратиться к немецкому фразеологизму: *Wahlen ausschreiben* 'назначать (объявлять) выборы', букв. 'выписывать выборы', относящемуся к той же сфере государственного управления.

Теперь обратимся непосредственно к латинизмам. Они наиболее ярко проявляются в западноевропейской топонимике. Приведем ряд таких названий, по своей орфографии близких к латинским вариантам наименований, но весьма отдаленных от их немецких или польских соответствий¹⁴. *Ерфурдѣа* (10) — лат. *Erfordia* — Эрфурт, ср. нем. *Erfurt*. Вариант названия Вены: из *Виенны* (10), в *Виеннь* (14), отсутствующий в опубликованных В—К I—IV, представлен в полном соответствии по ударению и побуквенно с лат. *Vienna*, но далек от нем. *Wien* и польск. *Wiedén*. В названии венгерского г. *Каша* (венг. *Kassa*, нем. *Kaschau*): в *Кассове* (10) можно видеть соответствие лат. *Cassovia*, при одновременном проявлении воздействия немецкой формы в направлении места ударения и усечении латинской флексии. Прил. *Могѣнтѣнскомѣ* (10 — возможна аналогия с *могучий*, правомерная в отношении города, где размещалась имперская канцелярия и архиепископ которого был архиканцлером Германской империи) образовано от лат. названия немецкого г. *Майнца* — *Magontiacum*, *Maguntia*. Названию *Ратисбѣны* (род. п.) (12) соответствует лат. *Ratisbona* — Регенсбург, а наименованию *Варадин* (12) — лат. *Varadinum* — Вараждин, ср. нем. *Wardein*, венг. *Warasdin*. Собственно латинских по происхождению названий во втором тексте не так уж и много. Они как бы тонут и незаметны в общей массе других иноязычных названий текста. Тем не менее они достаточно ярко высвечивают черты латинского оригинала. Степень этого "высвечивания" проявляется на фоне сравнения с иными текстами вестей-курантов, которые хотя и содержат указания на перевод с "латинского письма (грамоты)" (см., например, В—К I, № 39, В—К II, № 16), но не содержат явных признаков перевода с латинского.

Словоформы *цѣсаря* (10) и *сенѣторѣ* (11) равно ориентированы как на латинский (*caesar*, *senator*), так и на украинско-польский (*cesarz*, *senator*, *цесар*, *сенатор*) источники.

К немецкому языку восходят слово *штат* (стѣтѣм венгерскимъ — 10) (по Фасмеру IV 477 совр. *штат* из нов.-в.-нем. *Staat* или ср.-в.-нем. *stât*) и прилагательные *французскѣй* (*францѣжскомѣ* — 11) и *шпанскѣи* (11), образованные от этнонимов. Несколько комментариев к основе прил. *французскѣй*. Фасмер IV 206 указывает, что исходное сущ. *француз* заимствовано из ср.-в.-нем. *franzôs*, а по дан-

¹³ Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce. Wrocław [e.a.], 1953. Т. II. С. 756.

¹⁴ Латинские соответствия подобраны по словарю: *Graesse J.G.Th. Orbis latinus oder Verzeichnis der wichtigsten lateinischen Orts- und Ländernamen*. 3. Auflage. Berlin, 1922.

ным В.М. Жирмунского¹⁵, старое германское *s* имело в немецком [подразумевается древневерхненемецкий и средневерхненемецкий языки. — В.Д.] близкое к шипящему «шепелявое» произношение, что подтверждается его отражением как *ж* в заимствованных из немецкого славянскими языками (в частности, польским) словах: например, польск. *żołnierz* 'солдат' — из нем. *Söldner*, *żegnać* 'осенять крестным знаменем' — из нем. *segnen*, *róza* 'роза' — из нем. *Rose*. По-видимому, подобного же происхождения польск. *ż* в названии *Parzyż*. Во всяком случае при рассмотрении непосредственных источников производного прилагательного *французский* нельзя не принять во внимание того, что в польском уже отразились результаты ассимиляции согласных на морфемном стыке (*francuski*), а лат. *gallicus* — совсем иного происхождения.

Прил. *шпанскіи* отражает в своем начале вариант диалектного немецкого произношения сочетания *sp-* (*spanisch*) и своей инициально явно не совпадает ни с лат. *hispanicus* 'испанский', ни с польск. *hiszpański* 'то же'. Вполне возможно, что прил. *шпанскіи* — следствие контаминации (объединения) немецкой основы *шпан-* с суф. —*ск-*, восходящим к польскому.

Вариант *Амбург* в названии Гамбурга (из *Амбурга* — 10) ближе к нем. *Hamburg*, чем к лат. *Hamburgum* с флексией *-um*.

Более корректно будет возвести к нем. или голл. *Amsterdam* наименование *Амстердам* в сочетании: из *Амстердама* (14), имея в виду ударение на конце основы в немецком и голландском. Лат. *Amsterdamum* по флексии и соединительному *o*, несомненно, дальше.

Невгевзел (11, 13), вне всякого сомнения, ближе к немецкому (*Neuhäusel*) именованию современного чешского г. *Nové Zamky*, рус. *Ново-Замки*, чем к лат. *Neoselium*. Отражением немецкого произношения следует признать начальное *z-* в передаче имени венгерского г. *Сатмара* (венг. *Szatmár*): *Зятмар* (13), ср. *Zathamar* (Мерк. польск. 485); *Саболча* (венг. *Szabolcs*): *Заболкъ* (13), ср. *Zobol* (Мерк. польск. 485); *Секельхида* (венг. *Székelyhid*): *Зецкелгеида* (13), ср. *Zekelheyda* (Мерк. польск. 485).

Наконец, в ряде случаев ожидаемые латинские варианты названий абсолютно отсутствуют, уступая место автохтонным венгерским в наименованиях городов Венгрии: *Наги Баниа* (13) — венг. *Nagy-Bánya* — современный румынский г. *Vaia Mare* — *Бая-Маре*. *Езекъ* (13) — по-видимому, сокращение названия венг. г. *Ersekújvár*, где *újvár* 'новый замок', нем. *Neuhäusel* (см. выше), *Тоцкаи* (13) — венг. *Tookay* — *Токай*, *Кало* (13) — венг. *Kálló* — *Kallo* (Мерк. польск. 469). *Гериньсвар* (13), ср. венг. *vár* 'крепость, замок'.

Из 61 употребления иноязычных слов и названий во втором тексте 18 падает на полонизмы (как и в первом тексте это составляет около 30%), латинизмы, уравниваясь с грецизмами, дают 9 употреблений, слова из других языков соответственно: из венгерского — 8, германизмов — 6, тюркизмов и голландизмов — 2. Кроме того,

¹⁵ См.: *Жирмунский В.М.* История немецкого языка. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1956. С. 119.

к рассмотренным выше (*згодиться, сейм сложить*) можно присоединить еще семантический полонизм *неприятен* 'неприятен' (ср. польск. *nieprzyjaciel* 'враг'). Отметим одиночное отрицание, восходящее к иноязычному источнику: сенаторы венгерские постановили ни единого *от* воинов немецких в своемъ владѣне на своихъ проторях держат (11), вм. ни единого не держать. В разделе "Общая характеристика языка и стиля Курантов" И.С. Хаустова¹⁶ отмечает пример: "...сегодня подлинная ведомость пришла, что Будин приступом наши взяли и ни единого человека турчина, ни армянина, ни жидовина живых оставили" и делает предположение о том, что данное сообщение было взято из немецкого оригинала. По данным И.С. Хаустовой в обследованных ею вестях-курантах обнаружены и иные, правда, немногочисленные отклонения от синтаксических конструкций русского языка. Мы уже не говорим об отражении в переводе русско-церковнославянских черт (в лексике: вельми, онъ 'тот', расторгъ 'разорвал, растерзал'; морфологии — ьчиненнаг, имать бѣть; синтаксисе — вин. падеж с инфинитивом), поскольку они отражают не иноязычное влияние, а книжно-славянский тип того же русского литературного языка.

Таким образом, как мы смогли наблюдать, оригиналы (немецкий и латинский) отражаются в передаче иноязычных топонимов и антропонимов переводов далеко не так последовательно, и не по всему массиву иноязычных наименований, как то можно было бы ожидать. Способы воспроизведения апелативов, названий городов и лиц, ориентированные более или менее определенно на оригинал, уступают подчас место другим приемам передачи, отражающим преобладающие в данный период языковые влияния и посредствующие контакты с польским, украинским и белорусским языками.

Отвечая на вопрос, содержащийся в заглавии, мы можем сказать, что язык оригинала, а он всё же высвечивается в ряде передач достаточно ярко, отражается в иноязычных словах переводов неполно и опосредованно.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- В-К I -- Вести-Куранты. 1600—1639 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; Под ред. С.И. Коткова. М., 1972.
- В-К II -- Вести-Куранты. 1642—1644 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; Под ред. С.И. Коткова. М., 1976.
- В-К III -- Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов; Под ред. С.И. Коткова. М., 1980.
- В-К IV -- Вести-Куранты. 1648—1650 гг. / Изд. подгот. В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина; Под ред. С.И. Коткова. М., 1983.
- Гринченко -- *Гринченко Б.Д.* Словарь української мови. Т. I—IV. Київ, 1958—1959.
- Мерк. -- *Merkuriusz Polski.* Oprac. A. Przyboś. Kraków, 1960.
- польск. --
- Носович -- *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Речек -- *Reczek St.* Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław [e.a.], 1968.

¹⁶ См.: Хаустова И.С. Из истории лексики рукописных "Ведомостей" конца XVII века // Учен. зап. ЛГУ, № 198. Серия филол. наук, 1956. Вып. 24. С. 62.

- СлРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—11. М., 1975—
 XI—XVII вв. 1986.
- Срезн. — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка.
 СПб., 1893—1903. Т. 1—3.
- ССУМ — Словник староукраїнської мови. Київ, 1977—1978. Т. 1—2.
- Тимченко — *Тимченко Е.* Історичний словник українського язика. Харків—Київ.
 1930. Т. 1. А—Ж
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем.
 и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964—1973. Т. 1—4.